

Ксения Зиновьева,

студентка IV курса академического музыкального колледжа Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского (Россия)

Мораль в творчестве Маркиза де Сада

- «А Вы слышали о Маркизе?»
- «О Маркизе де Саде? Фу, какая мерзость!»

Такова обычная реакция филистера, когда ему задают вопрос о столь же скандальном, как и великом французском писателе, драматурге и, я не смущаюсь этого сказать, философе Маркизе де Саде. Тёмная пелена тянется за ним и его именем в глазах, умах и ушах обывателя в виде россказней о маргинальности, извращённости, гротескной жестокости и тысячи ядовитейших, отвратительно мерзопакостных слухов и клеветы. О нём говорят с ненавистью и завистью люди, чей разум закрыт наглухо даже для них самих. Да и что обычно говорят о том, что сияет интеллектом, индивидуальностью, правотой и искренностью, фантазией? Что говорят о том, что одинокой вершиной Монблана возвышается над канонами, настолько утянутыми в корсет повседневности и обыденности, что сами теряют сознание от отсутствия притока кислорода — от живительной влаги мысленного потока? Тут дело не в девиациях определённой личности и не в духе времени, ведь и Бэкона поливали грязью, Зиновьева изгнали из родины, Гюго вызывал отвращение, Моцарта считали легковесным и легкомысленным, Вагнера желали расстрелять, а в древнем Китае и в суровые времена средневековой инквизиции так и подавно — искусство, музыку, философию и образование как таковые желали запретить. Почему же люди столь завистливо относятся к тем, кто отличается от общепринятого, от стереотипного? Когда картина красивее рамки, на рамку никто не смотрит. Человечество, вернее механизм управления оным, так устроен, что рамка, то есть внешняя оболочка — нечто эфемерное и лживое, но более доступное и простое, банальное, приземлённое, — должно быть ближе и понятней. Толпа не должна сиять индивидуальностью, иначе она потеряет своё предназначение. Однако отставим в сторону психологию толпы и погрузимся в мир образа и мысли одного из моих любимейших художников слова и слога.

Маркиз воистину был личностью незаурядной, чем при жизни ещё вызывал по крайней мере недопонимание своего окружения, закончившиеся тем, что его малодушно заключили сперва в тюрьму, а затем и в пансион для душевнобольных. Но давайте вспомним, что это вообще была за эпоха. Донасьен Альфонс Франсуа де Сад родился в 1740, умер в 1814 году. Как вы помните, это времена смутные не только в истории Франции. Борьба за свободу не только личности, но и положения в социуме; борьба против бедности, ханжества и разврата — дух революции

На фото: Ван Лу. Портрет Донасьена Альфонса Франсуа, графа де Сада

вита не только в воздухе но, разумеется, и в умах тех, кого взрастила та кровавая эпоха. Маркиз де Сад, как и большинство современников, был певцом и проповедником абсолютной свободы, которая не была ограничена ничем, а основной ценностью жизни считал возможность достижения высшего личного наслаждения. В этом я ничего греховного не вижу, ибо это — дух времени: вспомните «весельчака» Дидро, а затем вспомните и рассуждения Монтеня о том, что эгоизм является главным качеством человека. Почему же вдруг столь образованный, тонкий аристократ духа и происхождения, каковым являлся де Сад, был записан в ряды самых крайних извращенцев? В те времена насилие, кровожадность, садизм были как различные вирусные инфекции и финансовые кризисы в наши дни. Однако и тогда он и его философия были изгоями. Безусловно, это была исключительно реакция на его личность. Таким же образом «отличились» Моцарт, Вагнер, Толстой, Чайковский, Уайльд, — все они обладали определёнными «грешками» на почве межполовых отношений, но разве только вследствие этого они прославились? Лично мне глубоко безразлична национальность Мендельсона, так же как и ориентация Сафо, — я вникаю в их творчество, а не изучаю их тела на анатомическом столе, так же как не анализирую их личность под микроскопом психопатологии.

Итак, Маркиз де Сад. Из сказанного мною вы сделаете вывод, что данный автор воистину ненормален. Посему позвольте мне пролить свет на иные детали его творчества, покажу его под другим углом, дам взглянуть на этого моралиста и гуманиста с другой перспективы, чтобы не дать пошлым мыслям о его якобы сумасшествии множиться и дальше. Маркиз был рьяным борцом за права человека, за добродетель, за честь и чистоту. Его способы выражения благонастроенности по отношению к благородному человеку отличаются характерной чертой всех экспрессионистов: это — гротеск, гипербола — метод *ad contra*. Обнажая все сексуальные девиации человеческого существа до болезненности, выворачивая наизнанку понятия о морали, он добивается того, что читатель искренне проникается сочувствием к тем несчастным, что страдают за добродетель в его романах, рассказах и драматургических опусах.

Возьмём, к примеру, его роман «Маркиза де Ганж». Это повествование об одной юной, прекрасной и невинной девушке, которая предана своему мужу настолько, что становится игрушкой в руках тёмных сил, в том числе и её мужа. Сколько боли, сколько несправедливости, сколько отвратительных подробностей, обнажённых инстинктов размножения и превратностей судьбы выпадает на её долю! В то же время сколько возвышенных речей в защиту морали, сколько добродетели со стороны страдающей протагонистки... В итоге же всё равно торжествуют мораль, любовь, истина, даже ценою жизни главной героини, главного злодея, заключённого в тюрьму и ужасом того человека, что слушает повествование о судьбе бедной Маркизы из уст рассказчика. Если привести в пример ещё и новеллу «Эжени де Франваль», в которой описывается похожая ситуация, то в её конце мораль торжествует «по всем параметрам»: злодей гибнет, признав свою вину, так же, как и жертва и её дочь, что тоже признала свои грехи.

«Маркиза де Ганж» и «Эжени де Франваль» суть воистину гуманные, просветительские шедевры, направленные как на разум, так и на чувства читателя. Но вы поморщитесь нос — зачем столько промискуитета, когда тот же самый просветитель Гюго вполне обходился и без намёков на эту тему? В этом есть свой смысл и своё предназначение: разнузданность человеческого существа начинается тогда, когда задействованы половые органы, а не мозговые клетки. На гиперболический эротизм трудов де Сада нужно смотреть сквозь призму особенностей биологии. Что суть самый главный инстинкт всех живых существ? Верно, инстинкт самосохранения. А инстинкт продолжения рода, даже в извращённой форме, коей является, к примеру, садизм, — это тот же самый инстинкт, лишь в глобальной форме — выживание всего человечества, а не отдельно взятого индивида.

«О, как страсти ожесточают сердца людей! Кто смеет утверждать, что наши страсти являются необходимым порождением природы?» («Маркиза де Ганж»)

И разве всего этого не достаточно для того, чтобы ты, читатель, усомнился в своих несправедливых обвинениях касательно извращённости уважаемого де Сада? Я приведу ещё один пример его глубочайшей моральности, а также энциклопедического склада ума и личности. Возьмём его роман «Жюстина» и оставим в стороне будничные подробности. В данной книге де Сад, возможно наиболее ярко из всех его трудов, демонстрирует точку

На фото: Прижизненное издание романа «Жюстина, или несчастья добродетели» (1791)

зрения человека просвещённого, в том числе относительно религии, которую он находит губительной как для личности, так и для общества. Он из заботы о разуме человека использует в качестве некоторых отрицательных персонажей греховных священнослужителей — Маркиз борется против мракобесия, ведь проживал он в тот век, когда приподнимались все завесы и открывались глаза на очевидное, ясное и незавуалированное.

«Все религии исходят из одной и той же ложной предпосылки о необходимости Творца, существование которого нельзя, однако, ни доказать, ни признать (...) Если все творения природы есть следствие законов, которым она подчиняется, если все действия и противодействия суть необходимые движения её сущности, кто же является тогда верховным властелином, предоставляющим всему и вся, просто так, даром, без всякой видимой причины возможность существования? (...) Что же после этого религия? Узда, которую тирания сильных набрасывает на более слабых. Вдобавок к этому надо сказать тем, кто желает господствовать над другими, что Бог выковал цепи, которыми они пользуются, а те, другие, подавленные собственной нищетой и ничтожеством, тупо верят в то, во что их заставляют верить». («Жюстина»)

Лично меня после прочтения таких прекрасных аргументов в силу атеизма тянет заново перечитать Ветхий и Новый Заветы. Мы видим, что говоря для слуха некоторых обидные вещи о предметах их воздыхания, Маркиз лишь порождает желание углубиться в них же, дабы попытаться возразить ему. Это не значит, что он приемлет религию, однако, мы видим, что он предоставляет нам возможность возвыситься над самими собою и своими взглядами, он даёт нам ключ к образованию. Только надо его узреть в той массе внешнего непотребства. Это есть тот фильтр, который отделяет тех, кто достоин, и тех, кто навсегда останется обывателем. Массовое производство (в широком понятии) никогда не будет делом качества.

Далее я продолжу свою защиту великого писателя и обращусь к его наиболее спорному, скандальному труду, а именно к «120 дням Содомы». По объёму — это суть грандиознейшая, наитончайше продуманная конструкция, увы, не завершённая (последние тома существуют в виде на-

бросков). Здесь балом правит больная сексуальная фантазия во всех своих облициях, исключая зоофилию, что суть предательство по отношению к природе в плане того же инстинкта самосохранения и продолжения рода (если говорить о влечении к детям или своим родителям, то я могу справедливо привести в пример царя Эдипа и некоторые рассказы Эдгара Аллана По, и я думаю, что меня не сочтут им сочувствующей: для яркости образа, а также для метода *ad contra* такие примеры являются наиболее выигранными, порождая в человеке омерзение, в последствии ведущее к его моральному очищению). Я не буду даже вкратце описывать всех событий, скажу лишь то, что даже здесь, где наиболее сложно уловить нить морали и утонченности, даже здесь мы видим, насколько глубок автор. И насколько он объективен в оценке своего же творчества — он постоянно, в любом своём труде, обращается к читателю, предупреждает его, вступает с ним в разговор, как и здесь:

«Может быть, самым порочным в этом проекте будет сам дух спектакля и манера, в которой всё это будет происходить. Эта манера и сами рассказы будут формировать наше произведение, которое я заранее не советую читать набожным и слабонервным людям, чтобы не быть скандализованным, поскольку само собой очевидно, что наш план не слишком целомудрен». («120 Дней Содома»)

Я не считаю, что написание подобного труда его делает сумасшедшим. Обратим внимание на следующие детали: его богатейший язык, его поистине энциклопедические познания во всех сферах искусства, его историческая осведомлённость, яркость образов и ситуаций. Да, образованный человек может стать психически нездоровым. Но разве псих умеет так ясно и стройно продолжать нить своей мысли и на свыше тысячи страницах, из которых процентов восемьдесят, если не больше, составляют весьма пикантные подробности? Да, де Сад низводит в «120 днях Содома» человека до уровня эксперимента, но он тем самым обнажает не столько свои и вкусы своих ге-

роев, сколько обнажает самое человеческое существо — сам порок. И это также не смог бы сделать человек психически нездоровый. Псих никогда не будет выставлять напоказ своё несовершенство, де Сад же напрашивается на то, чтобы его ненавидели. И верно — ему нечего скрывать в роли того, кто отворяет глаза слепому человечеству.

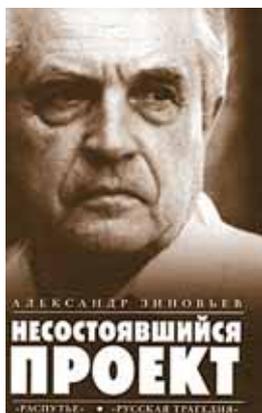
Как писал Альбер Камю об именно этом произведении: «Он сотворил фантастический мир, чтобы дать себе иллюзию бытия. Он поставил превыше всего «нравственное преступление, совершаемое при помощи пера и бумаги». Его неоспоримая заслуга состоит в том, что он впервые с болезненной пронизательностью, присущей сосредоточенной ярости, показал крайние последствия логики бунта, забывшей правду всех истоков».

Постепенно приближаясь к завершению я хочу ещё защитить одну черту моего любимого автора, а именно: Маркизу свойственна как пронизательность, так и юмор. У него есть ряд маленьких рассказов, правда, тоже не без сексуальной тематики, которая, однако, не умоляет их очарования.

Мы видим, что Маркиз де Сад является не просто философом, автором, фаталистом — он ещё и человек, которому не чужда и улыбка на фоне всеобщей трагедии, и это суть отношение мудреца к жизни. В итоге что мы имеем? Мы видим, что за бронёй преступления, девиации, грязи и низости скрывается чистый, тонкий разум, мы видим, что Маркиз де Сад является, может быть, одним из самых человеческих художников — ведь он не ставит границ и стен между собой и читателем, а также его актёрами и действием их произведения. Он для нас открывает все пути, все ворота — он срывает маски, он приподнимает занавес. За нами остаётся лишь, как было мною уже сказано выше, попытаться верно интерпретировать то, что даёт нам этот художник. И горе нам, если мы судим о человеке и писателе априори как о «ненужном» или «плохом». Как раз о таких предубеждённых и лишённых всяческого понятий морали личностях Маркиз и слагает свои ужасающие романы.

Книжные новинки

Новая книга из полного собрания сочинений Александра Зиновьева

Зиновьев А.А. Несостоявшийся проект. Распутье. Русская трагедия. Москва: АСТ, 2009.

В сборнике «Несостоявшийся проект» представлены две знаменитые книги А.А.Зиновьева — «Распутье» и «Русская трагедия». В них автор рассказывает об истинных причинах краха советской политической системы, анализирует различные периоды

истории нашей страны и делает прогнозы относительно будущего развития России.

Фокин П.Е., Сыроватко Л. Бунин без глянца. М.: Амфора, 2009. — 384 с.

Бунин — осколок великой традиции — одним из первых в железном веке нашел художественный ответ времени безразличия и беспредела. Затертый в смуте между грозными течениями друзей и врагов, он выдвинулся одинокой вершиной, с виду почти ледяной, но внутри готовой превратиться в вулкан.

Книга продолжает серию документальных повествований о русских писателях XIX-XX веков.